

Напутствия молодым

ОДнажды вышла первая книга Владимира Крупина — «Зерна». Мне предложили представить ее, и я тогда писал в предисловии: «Было бы, наверное, некоторой неосторожностью... заявлять, что молодой писатель В. Крупин чрезвычайно глубок, исключительно прозорлив... Но бесспорно, на мой взгляд, одно — он обладает своим взглядом, своим отношением, что принято в обиходе называть несколько подзатасканным словом — самобытностью». По рассказам и повестям отчетливо чувствуешь, что эта самобытность идет от пережитого, от биографии человека, который родился в глубине России, чье детство легло на тяжелое послевоенное время, кому пришлось пробиваться к образованию, к культуре, рассчитывая только на свои силы...

«Первая книга, — заканчивал я представление В. Крупина, — не дает никаких прав на снисхождение. Ее следует судить столь же строго, как и любую другую...»

И вот суд состоялся. Книга давно раскуплена, читатели говорят о ней, те, кто не успел приобрести, ищут, где купить. С дружным доброжелательным единодушием встретила эту первую книгу и критика. «Литературное обозрение», «Литературная Россия», «Октябрь», «Наш современник», «Смена» в один голос отзывались: Крупин — интересный, многообещающий прозаик. Можно сказать: начинающий писатель Крупин выдержал экзамен — принят и понят. Пожалуй, даже я, рекомендовавший этого молодого писателя, оказался несколько более строг в оценке, чем критики и читатели. И не скрою — меня это нисколько не огорчает, а радует.

Второй книге автора еще только предстоит выйти в свет, ее пока нет, но тем не менее Крупин снова дает повод для серьезного творческого разговора.

Недавно в Московском клу-

бе рассказчиков обсуждались новые рассказы В. Крупина. Рассказы кратки, иногда даже обыденны.

...Бессонница, толкающая на воспоминания о детстве и юности в далеком от города селе. И воспоминания пере-

давнего прошлого. Женщину-марию, мать пятерых детей, судят за аборт. Суд не собирается быть взыскательно строгим, но в его обязанности — внушить уважение к закону, а внушение невольно перерастает в то, что обычно называется «нагнать страх». От этого страха доверчивая женщина кончает самоубийством. Тут уж вовсе необъятная тема — тема человечности.

Но стоп! Не так-то все просто. Последний рассказ вызывал оживленные споры. Тема необъятная, но в короткой зарисовке она недостаточно проявлена. Сообщен трагический факт, некий исключительный, из ряда вон выходящий случай. Невольно встает вопрос: может ли случайное

циального неравенства, нормативов справедливости. Стоит себе представить факт встречи Нехлюдова с некогда близкой ему девушкой сам по себе, ни с чем общественным не связанным, обособленным, как такой факт сразу становится мелким и незначительным. Он может вызвать лишь интерес у знакомых Нехлюдова, да и то потому, что приоткроет этим знакомым некие потаенные уголки личности Нехлюдова, его нравственного облика. Знакомые сами проведут связи. Толстой же случай сделал отправным пунктом грандиозного исследования жизни.

Нельзя сказать, что у Крупина в новых рассказах обрисованы только фактики. Нет, автор пытается найти общественные связи, он стремится увидеть в случайном нечто обобщающее, но не всегда еще эти связи у него четко прочерчены, а обобщающие выводы не всегда ясны.

Однако даже этот упрек говорят в пользу автора: раз речь идет о необходимости обобщения, о связи случайного с характерным, частного с общечеловеческим, — значит, в произведениях уже заложено это всечеловеческое, общественно значительное. Значит, произведения таят в себе ту художественную емкость, найти которую под силу только незаурядному писателю.

Я лично вижу незаурядность Крупина и в его страстном отношении к тому, о чем он пишет, в той боли, с какой он реагирует на жизнь. Он пока еще может оставить читателя в некотором сомнении и неясности по каким-то поставленным вопросам, но равнодушным — нет! Страсть и боль его рассказов становятся нашей страстью и нашей болью.

Год назад — всего год! — вышла первая книга Крупина. После его выступления в Клубе рассказчиков мы имеем все основания ждать новой книги, где писатель заявит себя с большей силой.

Владимир ТЕНДРЯКОВ

ГОД СПУСТЯ ПОСЛЕ ПЕРВОЙ КНИГИ

растают в большую тему — Родина!

...Маленький эпизод на вокзале — герой помогает женщине с ребенком сесть на поезд, подносит чемодан... получает вознаграждение — смущающий его рубль. И тут же вырастает новая тема, не менее значительная, — отзывчивость. И какой ценой ее нужно мерить.

...По вагонам электрички идет нищий-инвалид, поет жалобно, жалобно просит. Решается вопрос человеческого поведения, человеческого достоинства.

...Трагический случай из не-

быть предметом изображения художественной литературы?

Казалось бы, почему и нет? Совершенно случайно, скажем, присяжный заседатель Нехлюдов сталкивается на суде с Катюшой Масловой. На этом случайном Лев Толстой завязывает один из сложнейших и значительных романов в мировой литературе.

Но обратим внимание, что данный случайный факт Л. Толстой связал с отнюдь не случайными, а характерными для всего общества, для человеческих отношений явлениями — нравственности, со-

Тендряков В. Ф. Год спустя после первой книги: [о творчестве писателя В. Крупина] / В. Тендряков // Литературная газета. — 1975. — 20 авг. — С. 5.